

В целом, А. Л. Якобсон нарисовал яркую достоверную картину русско-закавказских художественных связей XVI в. К сожалению, в этой статье не убеждает читателя трактовка трех панагиаров из Румынии. Автор полагает, что стилистическое сходство румынских и московских панагиаров свидетельствует о московском происхождении первых, хотя отдельные их части, судя по отчетливо отличающейся орнаментике, сделаны в Румынии. Скорее всего,—пишет А. Л. Якобсон (стр. 237),—все три панагиара попали из Москвы в Румынию и Молдову и там были отчасти переделаны румынскими мастерами. Не соглашаясь с автором, напомним об активной деятельности армянских купцов и ремесленников в Молдавском княжестве в XIV—XVIII вв.¹ Эти люди распространяли в Молдове вместе с ювелирными изделиями закавказские художественные вкусы. Поэтому сходство московских и румынских панагиаров, видимо, возникло благодаря подражанию ювелиров единому закавказскому образцу художественного стиля.

В работе Р. Л. Розенфельда «Инструменты московских ремесленников» содержится тщательная характеристика и подробная классификация орудий труда плотников, столяров, токарей, слесарей, сапожников, портных, оружейников, кузнецов, металлургов, литейщиков и каменотесов. Досадно, что автор, характеризуя инструментарий, не обратился к данным естественных наук, в особенности — металлографии, благодаря которым стало бы известно внутреннее строение и технология производства металлических орудий труда.

Статья А. В. Никитина «К характеристике материалов раскопок в Дмитрове (1933—1934)» анализирует материал, полученный Н. П. Милоновым². Автор статьи убедительно показал, что низкий уровень фиксации раскопанных объектов снижает научную значимость интересных и ценных произведений древней культуры.

Рассмотренный выше сборник, несмотря на некоторые недочеты, обогащает и расширяет конкретные представления о древней Москве, в особенности Кремле, и является ценным вкладом в разработку истории столицы нашей Родины.

Э. А. Рикман

¹ Н. А. Мохов, Молдавия эпохи феодализма, Кишинев, 1967, стр. 130, 131.

² Н. П. Милонов, Дмитровское городище, «Сов. археология», 1937, VI.

Русский фольклор в Латвии. Песни, обряды и детский фольклор. Составитель И. Д. Фридрих. Рига, 1972, 484 стр.

В рецензируемый сборник включены материалы, собранные как самим составителем (1920-е, 30-е и 60-е гг.), так и другими лицами: сотрудниками Института языка и литературы Академии наук Латвийской ССР (1947—1948 гг.), студентами кафедры русской литературы Латвийского государственного университета им. П. Стучки (1958, 1961, 1962, 1966 гг.) и студентами Даугавпилсского пединститута (1963, 1964, 1965 гг.).

Опубликованные в сборнике материалы были собраны на территории Латгалии, т. е. в Восточной Латвии — месте сосредоточения русского старожильского населения. Кроме того, отдельные записи сделаны в Риге, в кварталах так называемого Московского форштата и Красной Двины, а также в Курземе (окрестности Илуксте и Талси) и, наконец, в Видземе (окрестности Педедзе).

Материалы сборника отражают этническую историю Латгалии, определившую своеобразие фольклора и обрядов ее населения.

В общем потоке заселения Латгалии исследователи различают несколько крупных волн русских переселений. Каждая такая волна приносила с собой свои общественные и семейные традиции, обычаи и фольклор, сложившиеся в тех местах, откуда шла миграция. В новом месте эта культура попадала в окружение иных культурных традиций. В результате такого контакта происходило как взаимодействие различных культур, так и консервация отдельных традиций, объясняемая воздействием национальных, религиозных и отчасти политических традиций. Представленные в рецензируемом труде материалы широко документируют обе линии этого исторического процесса.

Книга открывается предисловием автора-составителя. В нем даны основные сведения о русском старожильском населении Латвии, общая характеристика своеобразия местного русского фольклора и различных обрядов, а также намечена приближительная схема распространения русских фольклорных традиций. Анализируя изменения, происходящие в бытовании фольклора начиная с 20-х годов, И. Д. Фридрих называет наиболее распространенные жанры, определяет среду, где эти жанры бытовали, приводит имена талантливых исполнителей. Он отмечает причины, пагубно влияющие на сохранение традиционного фольклора. Заключает предисловие краткая справка об истории собирания фольклора русского старожильского населения Латвии. Автор выделяет в ней два периода.

Первый период начинается в 20-е и заканчивается в середине 50-х годов нашего столетия. Это время деятельности любителей-энтузиастов, собиравших фольклор по

собственной инициативе. Именно в этот период, почти в одиночку, и начал свой большой труд составитель сборника И. Д. Фридрих.

Второй период начинается в послевоенные годы, когда в работу по изучению русского фольклора в Латгалии включаются сектор фольклора Института языка и литературы АН Латв. ССР, кафедра русской литературы Латвийского государственного университета и Даугавпилский педагогический институт, а с 1961 г. — Институт этнографии АН СССР.

За предисловием в сборнике помещена вводная статья М. И. Семеновой «О русских старожилческих говорах Латгалии», помогающая понять, каким ценным источником является материал настоящего сборника для изучения языковых процессов в русских островных говорах, находящихся в иноязычном окружении, а также для исследования этнической истории русского населения. В приложении к статье даны образцы русских старожилческих говоров Латвийской ССР из Балвского, Вилякского (Абреньского), Резекненского, Варажлянского и Даугавпилского районов.

Сборник делится на три части: «Обрядовая поэзия», «Необрядовые песни», «Детский фольклор». Каждой части предпослана краткая аналитическая характеристика помещенных в ней материалов и даны необходимые пояснения. В заключающем сборник приложении напечатаны список информаторов, сопровождаемый краткими биографическими справками, нотация мелодий некоторых песен и алфавитный указатель фольклорных материалов сборника.

Первая часть состоит из трех разделов: 1) Календарно-обрядовая поэзия, 2) Свадебный обряд и 3) Причитания.

В разделе «Календарно-обрядовая поэзия» отражен весь цикл традиционных календарных праздников, записи которых были сделаны собирателями в 20—40 годы XX века. Поэтические тексты сопровождаются развернутыми описаниями обрядов и обычаев, соответствующих определенному празднику. Составитель обращает внимание читателя на особенности песенной и обрядовой традиций в различных районах Латгалии, отмечает влияние вероисповедания на бытование тех или иных жанров. Эти замечания представляют несомненную ценность для исследователя культуры и быта русского населения Латгалии.

Публикация материалов календарно-обрядового цикла традиционно начинается с описания «коляды». За ними следуют описания «свят-вечеров». Здесь помещены песни, исполняемые во время празднеств, игры, девичьи гадания, рассказывается о ряженье. Интересный материал о вечеринках и дняхках молодежи дан в подразделе, описывающем период от крещения до масленичной недели. В материалах, относящихся к празднованию масленичной недели, читатели познакомятся с древним, ныне почти совсем исчезнувшим праздником «Бабские брыксы», который, по мнению составителя, является отголоском «какого-то древнего ритуального праздника, связанного с празднованием зарождения новой жизни, праздниками в честь весны». В том же подразделе автор рассказывает о традиции масленичных катаний на лошадях, широко распространенной и очень популярной у русского населения Латгалии, особенно у местных старообрядцев. Разнообразны материалы сборника, относящиеся к различным формам гуляний молодежи. Интересные сведения для изучения взаимодействия народов дают, в частности, материалы о праздновании Иванова дня.

Несомненную художественную и научную ценность имеют материалы второго раздела «Свадебный обряд». Основу публикации составляют записи, сделанные в 1926—1932 гг. в бывшем Абреньском уезде, выделявшемся среди других районов Латгалии богатством фольклорной и обрядовой традиций.

В разделе «Причитания», завершающем первую часть сборника, помещены похоронные причеты, причеты по рекрутам, причет девушки-батрачки, а также основные сведения о похоронных обрядах и обычаях.

Вторая часть книги — «Необрядовые песни» — состоит из восьми разделов: 1) любовные песни, 2) семейные, 3) шуточные и сатирические, 4) баллады, 5) хороводные, 6) тюремные песни, 7) рекрутские и солдатские, 8) песни военных лет. Классификация лирических необрядовых песен по темам всегда затруднительна. Некоторые неточности встречаются и в рецензируемой книге, особенно в разделах, посвященных песням «Любовным», «Семейным», «Шуточным и сатирическим», в которых не до конца выдерживается тематический принцип классификации. Жанровое единообразие в них соблюдается также не всегда. В названных разделах встречаются песни, не относящиеся к «Любовным», «Семейным», «Шуточным». Таковы песни хороводные и плясовые (234, 250, 314, 342), а также баллады (284, 336, 359) и яновская песня (326), распространенная среди местных белорусов. Поскольку для этих песен в сборнике предусмотрены специальные разделы, правильнее было бы поместить их туда. Не всегда ясен принцип расположения текстов внутри разделов. Следует заметить также, что ценность второй части возросла бы, если бы она была освобождена от некоторых малоинтересных и малохудожественных песен.

Наибольший интерес в рассматриваемой части книги представляют песни хороводные, игровые и плясовые. Песни этого жанра до сих пор известны среди русского старожилческого населения Латгалии, особенно в районах, где раньше жили старообрядцы. Правда, сейчас в этих местах почти не водят хороводы и не исполняют под песни старинные танцы. Песни хранятся лишь в памяти старых женщин. Поэтому особую ценность представляет материал, собранный составителем сборника в то время,

когда хороводы и танцы под песню еще были живой явью на вечеринках и праздниках. К текстам, большинство которых представлены в наиболее интересных и хорошо сохранившихся вариантах, И. Д. Фридрих дает развернутые пояснения — где, когда, как исполнялись эти песни и какие из них наиболее распространены. При этом характеризуются разные периоды бытования названных жанров и описываются различные виды хороводов.

Материал раздела «Рекрутские и солдатские песни» распределен по пяти подразделам: песни рекрутские, солдатские бытовые, военно-исторические, песни войны 1914 г., песни, бытовавшие среди русских, отбывавших воинскую службу в буржуазной Латвии. Опубликованные в этом разделе тексты не равноценны. Наряду с традиционными рекрутскими и солдатскими песнями, отличающимися высокими поэтическими достоинствами, попадаются малохудожественные тексты, имеющие лишь известную познавательную ценность (в основном это песни, бытовавшие среди русских, отбывавших воинскую повинность в буржуазной Латвии, и некоторые песни первой мировой войны).

Последний раздел второй части — «Песни военных лет» — включает песни, созданные в годы Великой Отечественной войны на фронте и в тылу, в партизанских отрядах, а также в фашистских концлагерях. Песни этого раздела собраны преимущественно в Резекненском и Даугавпилском районах в 40-е и 60-е гг. В художественном отношении материалы этой группы сравнительно слабы. Это и понятно — они не вынашивались и не шлифовались как произведения традиционного фольклора. Ценность их в непосредственности, эмоциональной передаче отраженных в них событий. Эти песни — своего рода документы времени, создавшего их.

Третья часть книги посвящена детскому фольклору и малым жанрам народно-поэтического творчества. Материалы этой части (126 текстов) размещены по рубрикам: напевки (колыбельные), потешки, прибаути (прибаутки), нескладіши (перевертыши), заклички, считалки, скороговорки. Только часть текстов записана, как сообщает составитель, «от взрослых», большинство же — непосредственно от детей — во время игр, разговоров и т. п. Многие материалы были записаны в 1926—1930 годы и сейчас не встречаются. В вводной статье к третьей части даны местные названия некоторых жанров детского фольклора, там же сообщаются краткие сведения о современном бытовании этих жанров.

Это небольшой, но ценный вклад в собрание детского фольклора, характеризующий традицию детского народного творчества одного из районов нашей страны.

Материалы книги — богатые и яркие — важны для специалиста и интересны для каждого, кто любит народную поэзию. Они помогают глубже проникнуть в историю, быт и духовную культуру русского населения Латвии, знакомят с уникальными текстами, имеющими большую художественную ценность.

Высоко оценивая книгу в целом, мы считаем необходимым сделать в адрес составителя несколько критических замечаний. На наш взгляд, им допущена некоторая пристрастность в подаче материалов, представляющих отдельные фольклорные традиции русских в Латгалии. Наиболее полно в книге представлен фольклор бывшего Абренского уезда, собранный И. Д. Фридрихом в 20—30-е годы, т. е. в то время, когда песни и обряды еще активно бытовали. Материалы из других районов представлены в меньшем объеме, к тому же, большинство их собрано позднее, в 40—60-е годы, и представляют собой скорее реконструкцию местного фольклора, чем фиксацию его живого бытования.

Та же пристрастность, увлеченность составителя в подборе материала сказывается и в предисловии к сборнику. Именно поэтому несколько упрощенной выглядит картина распространения фольклорных традиций у русских по всей Латгалии. Автор четко выделяет традицию фольклора северо-восточной Латгалии и окрестностей Педедзе, указывая на ее «ярко выраженный псковско-новгородский характер». Вместе с тем, говоря о традициях фольклора западной и юго-западной Латгалии и окрестностей Иллуксте, автор ограничивается лишь указаниями, что традиционные произведения устного народного творчества «отражают особенности тех местностей, откуда были принесены», и что «на них так же сказывается влияние близкого соседства с латышским и белорусским народами...» (стр. 4). Это слишком обобщенная картина создает, нам кажется, не совсем верное представление о фольклорных традициях этого сложного в этническом отношении района. Хотелось, чтобы И. Д. Фридрих более подробно и конкретно показал специфику местного фольклора.

Сделанные замечания не снижают, разумеется, ценности книги — первого наиболее полного свода песенного фольклора русских старожилов Латвии. Материалы по фольклору и обрядам, опубликованные в сборнике, являются ценным вкладом в исследование их культуры.

Хотелось пожелать составителю сборника продолжить работу по изданию фольклора русского населения Латвии, в частности обратиться к прозаическим жанрам, частушкам.